

ПОЛИТИКА. КАВКАЗ

"Не признаю законы оккупантов". Замминистра иностранных дел Ичкерии – о своем преследовании и будущем Чечни

Анжелика Каимова

29 сентября 2026

Асет Сабб

Сотрудники управления ФСБ по Чечне **объявили в розыск** заместителя министра иностранных дел Чеченской Республики Ичкерия Асет Сабб. В конце августа Росфинмониторинг также **добавил** ее в реестр обвиняемых по террористической статье. Подробности заведенного против Сабб уголовного дела неизвестны до сих пор, но, вероятно, поводом стала политическая активность разыскиваемой. 35-летняя Сабб выступает на международных площадках, говоря о репрессиях в отношении чеченцев и военных преступлениях федеральных сил в республике во время двух войн, а также о важности признания независимости Ичкерии другими странами. В интервью сайту Кавказ.Реалии она рассказала об отношении к преследованию со стороны ФСБ, действиях диаспоры за рубежом и своем видении будущего независимой Чечни.

Справка: "Чеченская Республика Ичкерия" (ЧРИ) – непризнанное государство, которое появилось после распада СССР на части бывшей Чечено-Ингушской АССР. Независимость провозгласил 1 ноября 1991 года первый президент ЧРИ Джохар Дудаев. Сейчас правительство ЧРИ за рубежом возглавляет живущий в Великобритании Ахмед Закаев, которого в январе 2025 года в России **заочно приговорили** к 20 годам за создание добровольческого батальона в составе ВСУ. В апреле 2026 года суд в Грозном **признал** ЧРИ и 29 ее подразделений в 14 европейских странах "террористической" организацией, а Росфинмониторинг **внес** ее в перечень террористов и экстремистов.

– Как вы восприняли новость об объявлении вас в розыск и внесении в список Росфинмониторинга?

– До 1999 года я жила в Чеченской Республике Ичкерия. На моих школьных документах 1-го и 2-го класса печати Ичкерии. Я не признаю оккупационные структуры РФ, оккупационные суды РФ. Если бы я признавала РФ, я бы изначально, отучившись в одном из североамериканских вузов на факультете международных отношений, не посылала бы свое резюме в МИД ЧРИ. В очередной раз Россия доказывает, что не является цивилизованным и правовым государством.

– Ваш отец Маккал Сабдуллаев занимал пост заместителя министра культуры ЧРИ, а позднее стал заместителем вице-премьера Ахмеда Закаева. В 2000 году его задержали на российском военном блокпосту в Грозном, с тех пор он считается пропавшим без вести. Насколько судьба отца повлияла на ваше собственное отношение к Чечне, Ичкерии и политике в целом?

– Мой отец был заместителем министра культуры ЧРИ, а также поэтом-драматургом. В 2000 году на блокпосту у автовокзала его задержали русские солдаты и отвезли в Ханкалу. Прошло 26 лет, ничего о нем не известно, и ни один военный, который причастен к похищению моего отца, не наказан. Это несправедливо.

Мой отец не был военным, он был творческим человеком, писал стихи, поэмы и пьесы. Я полюбила свой народ и свою родину через папины стихи и мамины песни (мать Асет Сабб – известная чеченская народная певица Бирлант Рамзаева – Прим.).

Асет Сабб с отцом

Мой папа – это моя гордость и моя боль. Русские солдаты его у меня отняли. Я отстаиваю право на существование Ичкерии потому, что я родилась в Ичкерии, и потому, что Россия поступила несправедливо с моим отцом и с чеченским народом. Ни мой отец, ни чеченский народ не заслуживали [Самашки](#), [Новые Алды](#), [Элистанжи](#), [Чернокозово](#) и [Ханкалу](#). Россия принесла наш народ в жертву, и такое не прощается.

– Вас называют соратницей Ахмеда Закаева. Почему вы выбрали именно этот путь: работать в правительстве ЧРИ и заниматься международным представлением чеченской позиции?

– Когда я завершила учебу, мне хотелось помочь ичкерийскому делу. Ичкерия уже несколько лет подвергается дискредитации со стороны оккупационных структур РФ на территории Чеченской Республики. А в действительности, Ичкерия – это то, что создал сам народ и выбрал народ. Я начала рассматривать структуры и организации, куда можно отправить мое резюме. Пришла к заключению, что единственная компетентная структура, у которой есть вес на международной арене, – это правительство Чеченской Республики Ичкерия.

“ Меня часто критикуют за мой внешний вид и подчеркивают, что я не ношу платок

Одним словом, правовая легитимность, рейтинг правительства ЧРИ на международной арене и компетентность лидера привели к тому, что я отправила свое резюме в МИД ЧРИ. После со мной напрямую для собеседования связался

министр иностранных дел ЧРИ Инал Шерип. В итоге меня назначили заместителем. Мне моя работа очень нравится.

Асет Сабб

– Асет, практически во всех СМИ вас называют племянницей Ахмеда Закаева, это так?

– Для меня это большая честь, но это не совсем так. Ахмед Закаев – племянник моей бабушки с маминой стороны, то есть он двоюродный брат мамы.

– Вы – женщина в очень мужской и довольно жесткой политической среде. С какими трудностями вам пришлось столкнуться именно из-за того, что вы женщина? И менялось ли отношение к вам со стороны чеченского общества?

– Я бы не назвала это трудностями. На международных конференциях меня всегда принимают очень хорошо. Чеченское сопротивление очень долго ассоциировалось с мужчинами, с ветеранами войны, а когда на конференциях видят женщину-

чеченку, которая представляет государственную структуру, встречаются всегда на "ура".

А что касается чеченского общества, то меня часто критикуют за мой внешний вид и подчеркивают, что я не ношу платок. Однако в Чечне есть женщины, которые носят платок, и есть те, кто не носит его. Гардероб – это личное дело каждого человека. В моей команде ко мне относятся с большим уважением, мои коллеги и соратники ценят мои профессиональные качества.

Асет Сабб

– Вы много выступаете на международных площадках. Как сегодня иностранные политики и правозащитники воспринимают чеченский вопрос? Изменилось ли их отношение за последние годы?

– Да, очень сильно. Западные политики видят, что мы в корне отличаемся от представителей оккупационных структур РФ на территории Чечни. Они видят, что с нами можно открыто вести диалог. Присутствие Вооруженных сил ЧРИ в Украине, которые сражаются против русских оккупантов, усиливает нашу позицию на международной арене. Западные политики понимают, что мы не просто на словах, но и на поле боя отстаиваем свободу ЧРИ. Мы сумели перевести вопрос освобождения Чеченской Республики в международный дискурс деколонизации России. Западные структуры лучше понимают, чего мы хотим и к чему

стремимся, и это основная причина, по которой нам открывают двери в международные институты, именно поэтому мы и смогли выступить в Конгрессе США в 2025 году.

– Что, на ваш взгляд, сегодня представляет собой чеченская диаспора? Она способна выступать как единая политическая сила, или внутри нее слишком много разных взглядов и центров влияния?

– Чеченская диаспора – это наша сила. Единственная проблема заключается в том, что люди запуганы и не решаются высказываться, потому что боятся участи Салмана Тепсуркаева (похищенный чеченскими силовиками и впоследствии предположительно убитый ими администратор чата в оппозиционном телеграм-канале IADAT – Прим.). Я считаю, что диаспора выжидает попутного ветра. Как

только будет толчок в центре РФ, и диаспора увидит, что инструменты репрессий ослабли и ослаб сам центр, она быстро мобилизуется. Мы готовим почву для этого.

В отличие от других кавказских диаспор, у чеченской диаспоры есть преимущество – у нее есть правительство ЧРИ, легитимная структура власти, через которую она сможет заявить всему миру о своем праве жить свободно.

Асет Сабб (в центре)

– А кто сегодня, на ваш взгляд, вообще имеет право говорить от имени чеченского народа? Возможно ли политическое представительство Чечни без единого центра и единой позиции?

– Мы не говорим от имени народа. Мы говорим от имени легитимных структур власти Чеченской Республики Ичкерия, которые колонизаторы уже 30 лет пытаются уничтожить. Наша цель: вернуть власть народу, чтобы он, народ, наконец-то сам начал решать свою судьбу. На данном этапе за народ говорит оккупационная администрация РФ.

Сегодня чеченскую молодежь Россия втянула в свою колониальную войну в Украине и использует как пушечное мясо. Война в Украине – это война русского "царя" Путина, которого большинство населения поддерживает. Если бы сегодня Чечня не находилась под российской оккупацией, чеченскую молодежь не использовали бы в имперских войнах, Чеченская Республика вела бы независимую

политику, как, к примеру, Армения и Азербайджан. Одним словом, народу нужно вернуть власть. К этому наше правительство и стремится.

– В России чеченскую оппозицию часто описывают как людей, находящихся далеко от Чечни и утративших связь с тем, что происходит внутри республики. Что бы вы ответили на это утверждение?

– Я не представитель чеченской "оппозиции". Это слово, которое многие СМИ применяют ко мне и к моей команде, – не просто неточность, а подмена понятий, которая работает на легитимизацию оккупации. Есть законные структуры власти Чеченской Республики Ичкерия, признанной государством своими гражданами и провозглашенной в соответствии с волеизъявлением народа в 1990 году, и есть оккупационная администрация, установленная и удерживаемая силой иностранного государства. Между ними нет и не может быть "оппозиционных отношений", есть отношения оккупанта и оккупированных.

– Вам не нравится определение "чеченская оппозиция"? Можете объяснить, что именно вас смущает в этом понятии?

– Слово "оппозиция" предполагает игру по общим правилам внутри одной признанной обеими сторонами системы. Возьмем Канаду: сейчас у власти Либеральная партия, в парламенте ей оппонирует Консервативная партия. У них разные программы и разное видение экономики, миграции, внешней политики, но ни одна из них ни на секунду не ставит под сомнение существование канадского государства, его Конституцию, его территориальную целостность и право народа свободно выбирать. Их спор идет *внутри* государственности, а не *о* государственности. Это и есть содержание понятия "политическая оппозиция" во всех демократиях мира.

Асет Сабб с матерью

Применительно к Чечне такой рамки не существует в принципе, потому что предмет спора не то, как управлять государством, а то, имеет ли чеченский народ право на собственное государство вообще. Это не вопрос политической программы, это вопрос признания или отрицания самого права на существование. Называть это "оппозицией" – то же самое, что называть движение Сопротивления во Франции 1940–1944 годов "французской внутриполитической оппозицией правительству Виши": формально к власти можно применить любое слово, но по

существованию это стирает разницу между коллаборационистской администрацией под иностранным контролем и борьбой за восстановление суверенитета.

– А есть ли сегодня разрыв между чеченцами внутри республики и теми, кто уехал? И если да, насколько он серьезный?

– Разрыв – я бы не сказала, но различие есть. Когда из Чеченской Республики приезжают на Запад чеченцы – а я знаю многих, кто приехал за последние пять лет в США, – у них бывает шок от того, какой набор свобод и прав существует здесь для людей. Они привыкли жить в Чечне под полным контролем, боясь слово сказать или сделать что-то не так. Когда сюда приезжают и видят, что могут свободно высказываться, жить как им угодно, спокойно вести свой бизнес, не выплачивая [часть дохода] каждый месяц в фонд Кадырова, – у них случается шок.

В итоге они привыкают к этим свободам, адаптируются и преуспевают в своих делах. Разница в том, что чеченцы дома – в русской коробке, им не позволяют действовать вне ее. Нам нужно вытащить Чечню из этой коробки, чтобы Чечня увидела мир, и мир увидел ее.

– В какой-то момент казалось, что после ухода Рамзана Кадырова в Чечне может начаться период перемен. Но на выборах он вновь получил практически 100% голосов. Что, на ваш взгляд, этот результат говорит о сегодняшней политической системе в Чечне? Насколько в таких условиях вообще возможна смена власти?

– В правовом демократическом государстве такие результаты невозможны. За 20 лет моего проживания на Западе я никогда не видела, чтобы на выборах получали такие результаты. Результаты выборов недействительны. Если уйдет Рамзан Кадыров, никаких перемен не будет. Он представитель оккупационной администрации, в которой работники меняются. Чтобы были изменения, нужно избавиться от самой оккупационной администрации на территории Чечни. Это возможно только при деколонизации России. Пока центр не пошатнется, никаких изменений не будет.

– Как нынешняя система влияет на поколение молодых чеченцев, которые практически всю жизнь прожили при Кадырове?

– Нынешняя система, к сожалению, через пропаганду преподносит оккупацию и колониальную политику России на Кавказе как норму. Открытого доступа к интернету нет, доступа к западным политологическим базам данных нет, доступа к свободным СМИ нет – только пропагандистские программы крутят по ЧГТРК. Молодежь, которой систематически внушается информационная ложь, не имея доступа к альтернативной информации, попадает под влияние имперской

пропаганды. Представители оккупационной администрации РФ систематически врут о политических и исторических процессах, которые происходили в Чечне с 1990 года, врут о депортации чечено-ингушского народа, врут о жертвах русско-чеченских войн, оправдывают геноцид чеченского народа, оккупацию, демонизируя Ичкерию.

Русские солдаты убили в Чечне 42 тысячи детей, но нет ни одной таблички, посвященной памяти этих жертв, зато есть улицы, названные в честь убийц (*точное число убитых неизвестно до сих пор; по разным оценкам, в результате боев и постоянных обстрелов со стороны российской армии только во время первой войны в республике погибли от 30 до 40 тысяч мирных жителей, во время второй – до 25 тысяч человек – Прим.*). Это в корне неправильно, и, к сожалению, у чеченской молодежи нет возможности ставить под вопрос то, что является неправильным.

– Если говорить о последних годах, как изменилось положение женщин в Чечне? Какие изменения вы считаете наиболее заметными?

– В Чечне ситуация с правами человека в целом критическая. Вспомним Салмана Тепсуркаева, Мадину Умаеву, Наталью Эстемирову – их убийства показывают, что для оккупационной администрации нет разницы, женщина или мужчина. Если человек в немилости, он попадает на конвейер смерти. Нарушение прав человека в Чечне сделали нормой, и эта норма установлена российским руководством. Практика нарушений будет продолжаться до тех пор, пока Россия присутствует на территории ЧРИ.

– Если отбросить политические лозунги: чего сегодня больше всего не хватает чеченскому обществу?

– Больше всего не хватает безопасности. За любое инакомыслие в Чечне наказывают. Люди боятся.

– Есть ли сегодня диалог между разными чеченскими политическими силами, сторонниками разных взглядов на будущее Чечни? Или раскол слишком глубокий?

– Есть сторонники и есть противники. Я рада, что есть и те, и другие. К счастью, сторонников больше. Мы открыты к диалогу.

Также присутствуют некоторые элементы в нашем обществе, которые ставят под вопрос территориальную целостность Ичкерии, ее государственность, структуры власти и Конституцию. Мы открыты к политическим дебатам, но не к тем, которые дискредитируют чеченское государство. Когда, к примеру, проходят

политические дебаты в Америке, я слушаю их с удовольствием. В этих дебатах политики бывают не согласны друг с другом, иногда неэтичны и даже, я бы сказала, агрессивны, но я не видела ни одного политика, который ставил бы под вопрос территориальную целостность Америки, ее Конституцию или государственные структуры.

– Если отбросить должности, политику, Росфинмониторинг, розыск и всю сегодняшнюю ситуацию: чего вы больше всего хотите добиться для Чечни?

– Я хочу, чтобы люди жили свободно, спокойно и без страха. Я не хочу, чтобы колонизаторы решали, как нам жить. Я хочу, чтобы чеченский народ сам определял свою судьбу. Я хочу, чтобы в Чечне действовал закон, одинаково для всех.

Чечня географически расположена в Европе. Чеченцы и черкесы являются коренными народами Европы. Чечня должна стать современной европейской страной с престижными университетами, европейским образованием, лучшими технологиями и сильнейшей медициной. Русская коробка отжила свое, и нам в ней не место.

- Сторонники Ичкерии 6 сентября провели в Вене акцию в честь 35-й годовщины провозглашения независимости республики. В Чечне в этот день отмечали другой праздник – "День гражданского согласия и единения".
- Между чеченской диаспорой за рубежом и теми, кто остался в республике, всё заметнее нарастает напряжение. Уехавшие говорят о нарушениях прав человека, давлении и русификации Чечни. На родине эмигрантов обвиняют в отрыве от корней и жизни по "чужим правилам". Кавказ.Реалии разбирались, насколько далеко зашёл этот раскол и что происходит с чеченцами по обе стороны границы.
- После начала полномасштабной войны России против Украины представители чеченской диаспоры начали участвовать в акциях против российской агрессии. Для одних это стало продолжением борьбы за независимость Ичкерии, для других – способом заявить о репрессиях. Редакция Кавказ.Реалии поговорила с активистами и выходцами из республики о том, как эти годы изменили диаспору.

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

